

Н. Б. Волкова

МАТЕРИАЛЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В ФОНДЕ К. М. СИМОНОВА В ЦГАЛИ СССР

В ЦГАЛИ СССР хранится много материалов, в той или иной степени запечатлевших события Великой Отечественной войны. Свыше тысячи членов Союза писателей ушло на фронт, четыреста не вернулись. Фонды многих из них, а иногда и отдельные документы, связанные с последними днями их жизни и имеющие поистине реликвийный характер, бережно сохраняются в архиве. Есть фонды, где материалы войны преобладают: В. В. Вишневского, И. Г. Эренбурга, В. П. Ставского, П. А. Лидова. Но и среди них фонд К. М. Симонова по праву занимает первое место — и как писателя, для которого война была главной и почти единственной темой, и как историка-документалиста, собравшего по ней огромный материал, и, наконец, как прирожденного архивиста, который не только тщательно собирал пужную ему документацию, но и мог организовать ее поиск и запись.

Первые документы (5 ед. хр.), заложившие основание фонда К. М. Симонова (ф. 1814. Далее номер фонда не указывается), поступили в ЦГАЛИ СССР еще из Литературного музея, т. е. до войны. 10 октября 1960 г. писатель приехал и оформил передачу своего литературного архива на государственное хранение: им было передано 11 тыс. документов, главным образом, творческие рукописи, письма читателей и зрителей, фотографии. В настоящее время три описи обработанных еще при жизни Симонова материалов насчитывают 1853 ед. хр. Кроме того, в ЦГАЛИ СССР поступило, согласно его завещанию, более 34 тыс. документов по 25 сдаточным описям. Часть архива остается пока в семье. Большинство и тех и других материалов связано с Великой Отечественной войной 1941—1945 гг.

С войной Симонов столкнулся еще на Халхин-Голе, куда он был направлен в 1939 г. по предписанию Политуправления Красной Армии.

24 июня 1941 г. он выезжает на Западный фронт в качестве корреспондента. Его стихи, рассказы и очерки печатаются в газетах «Правда», «Известия» и «Красная звезда». Среди них прежде всего хочется выделить поэтическое наследие военных лет. Значительная часть стихотворений представлена отдельными автографами или записана во фронтовых блокнотах. Это — «Песня о комиссаре», «Ты помнишь Алеша, дороги Смоленщины...», «Я, верно, был упрямей всех...», «Убей его», «Был у меня хороший друг...», «Фляга», «У огня», «Матвеев курган», «Песня о веселом репортере», «Дожди», «Солдатский разговор», «Державная Родина наша» и др.

Сохранились и рукописи прозаических произведений того же времени. Ученическая тетрадь с черновыми набросками повести «Дни и ночи», повести, о которой Симонов писал: «Почти все мои сталинградские блокноты пропали... Весной 1943 г., воспользовавшись затишьем на фронтах, я стал было восстанавливать по памяти сталинградский дневник, но вместо этого вдруг написал „Дни и ночи“ — повесть об обороне Сталинграда. В какой-то мере эта повесть и есть мой сталинградский дневник, но факты и вымыслы переплелись в ней так тесно, что мне сейчас, много лет спустя, было бы уже трудно отделить одно от другого и попробовать воссоздать этот сталинградский дневник в первоначальном виде» (оп. 3, ед. хр. 57, л. 36). К этим же годам относятся сценарий «На Старой Смоленской дороге», написанный совместно с В. И. Пудовкиным; пьесы — «Рус-

ские люди», «Жди меня», «Так и будет», представленные рукописями от черновых набросков до окончательных вариантов и снабженные замечаниями автора к их постановкам.

Целиком основаны на наблюдениях, встречах и беседах с фронтовиками рассказы и очерки Симонова. Об их замысле он писал в дневнике 28—29 июля 1941 г.: «На следующий день я разговаривал с Ортенбергом (редактором газеты «Красная звезда». — Н. В.) и выдвинул перед ним такой план, чтобы мне оборудовали хорошую машину... и дали мне возможность объехать на ней весь фронт, от Черного моря до Баренцева, с тем, чтобы все мои статьи и материалы фотокорреспондента, едущего со мной, шли в газете под этой постоянной рубрикой» (оп. 1, ед. хр. 486, л. 188). Предложение Симонова было принято. Его очерки и рассказы, печатавшиеся в «Красной звезде», были изданы в 1942—1945 гг. в Москве в четырех сборниках под тем же названием «От Черного до Баренцева моря».

Не менее значительный фактический материал о войне содержится в трилогии «Живые и мертвые» и других произведениях последующих лет. «Почти весь материал — для книг, написанных во время войны, и для большинства послевоенных — мне дала работа корреспондентом на фронте», — писал Симонов в автобиографии¹. Живые прототипы, послужившие основой для художественных героев, подробности, запечатленные автором, находившимся в гуще событий тех дней, данные, извлеченные из архивов и других исторических источников, делают его литературные произведения одновременно и достоверным отображением войны.

Стремясь показать Великую Отечественную войну как войну всенародную, Симонов все больше использует документальный жанр. Чувствуя себя, по собственному признанию, не только писателем, «а может быть, немножко и историком войны»², он обращается к созданию документальных кинофильмов: «Если дорог тебе твой дом ...», «Чужого горя не бывает», «Шел солдат...», а также серии телевизионных фильмов «Солдатские мемуары». Сценарии всех фильмов имеются в архиве.

Наряду с материалами художественного творчества в фонде Симонова хранятся и другие группы документов, запечатлевшие события войны. Это прежде всего дневники и записные книжки или фронтовые блокноты 1941—1945 гг. Симонов придавал огромное значение дневниковым записям и даже предлагал следующее: «Что касается писателей, то, по моему мнению, сразу же, как кончится война, им нужно будет привести в порядок свои дневники. Что бы они ни писали во время войны и как бы их за это ни хвалили читатели, все равно на первый же день после окончания войны самым существенным, что они сделали на войне, за войну, окажутся именно их дневники»³.

Однако, по его же признанию, вести дневниковые записи систематически не хватало ни времени, ни душевных сил. Более того, если мы обратимся к архиву писателя, то дневника как такового не обнаружим. Фактически он составлялся из двух частей: записей о виденном, которые диктовались Симоновым машинистке между поездками на фронт, и записных книжек и блокнотов. Вот что он об этом писал: «Когда началась война, мне было двадцать пять лет. Четыре года я был корреспондентом газеты „Красная звезда“ на различных участках фронта. Насколько это позволяли обстоятельства войны, я вел дневник. Возвращаясь в редакцию, между двумя поездками на фронт, я передиктовывал краткие записи, сделанные в блокнотах, восполняя остальное по памяти. Чем дольше шла война, чем больше событий нагромождалось одно на другое, тем больше отставала расшифровка карандашных закорючек в моих блокнотах. Многие блокноты пропали, несколько сгорело в машине, один утонул, до других так и не дошли руки. И хотя эти дневники в конце концов составили почти

¹ Симонов К. Собр. соч.: В 10 т. М., 1979, т. I, с. 34.

² В одном строю: Из неопубликованной переписки К. М. Симонова с выдающимися советскими военачальниками/Подгот. Л. Лазарев. Лит. газ., 1985, 1 мая, с. 7.

³ Симонов К. Собр. соч.: В 10-ти т. М., 1982, т. VIII, с. 5.

две тысячи страниц, сейчас, перечитывая их подряд, я вижу, как много важного и необходимого пропущено мною» (оп. 3, ед. хр. 59, л. 1).

К теме невосполнимости утрат, мешающих отобразить историю Великой Отечественной войны во всей ее полноте, Симонов обращался и позднее. Так, в докладе для пленума Московского отделения СП СССР, который состоялся 28—29 апреля 1965 г., он писал: «Трудно переоценить потери, которые наша мемуарная литература понесла и в результате того, что во время войны в действующей армии было запрещено ведение дневников, и в результате того, что в первые годы после войны, именно тогда, когда все еще было свежо в памяти, в стране была обстановка, никак не располагавшая к писанию откровенных записок о войне, с изображением не только положительных, но и отрицательных сторон дела» (оп. 3, ед. хр. 91, л. 3).

Сейчас в ЦГАЛИ СССР хранится шесть томов машинописных записей, составляющих военный дневник писателя 1941—1945 гг. Записи за июнь 1941 г.—январь 1942 г. и 1945 г. подробнее. При изображении событий 1942—1944 гг. в тех случаях, когда военные записи не велись, Симонов широко использует свои корреспонденции и фронтовые блокноты. Этих записных книжек за период войны в архиве 43. Небольшая часть фронтовых блокнотов была передана Симоновым в Государственный литературный музей. Но в ЦГАЛИ СССР имеются их машинописные копии. В блокнотах содержатся записи бесед с офицерами и солдатами военных частей на разных фронтах, их характеристики, изложение боевых эпизодов, списки их участников, выписки из немецких писем, допросы пленных, наброски и черновики стихотворений и корреспонденций. В ряде случаев на них имеются уточняющие записи: на каких фронтах они велись, номера частей и род войск, а также пометы дальнейшей работы с ними. Например: «4-й Украинский фронт, Петров, Москаленко, март 1945». И наискось красными чернилами: «Расшифровано и передиктовано в 45 г.» (оп. 3, ед. хр. 143).

Подготавливая свои дневники к печати, Симонов постоянно возвращается и к военным блокнотам, останавливаясь на времени и обстоятельстве записи, случаях их утраты, комментируя содержание. Например, приведя короткую запись о выезде на фронт в 13-ю армию, Симонов продолжает: «Вот и вся запись об этих днях, которая осталась в дневнике... Поездки на фронт шли одна за другой. И я, очевидно, ничего не успевал передиктовывать с блокнотов. Но сами блокноты, связанные с этим последним крупным наступлением немцев на Курской дуге, когда они еще раз пытались переломить ход войны, частично сохранились» (оп. 3, ед. хр. 57, л. 58). Или: «Дневников за следующие две-три недели нет. Нет и записных книжек, за исключением маленького блокнота с несколькими отрывочными записями» (оп. 3, ед. хр. 57, л. 44).

Переписка Симонова поступила в ЦГАЛИ СССР частично. Письма к нему деятелей литературы и искусства, общественных деятелей, выдающихся полководцев так же, как и копии писем к ним, которые Симонов большей частью сохранял, остаются пока в семье писателя. Некоторое количество его писем имеется в других фондах архива. Среди них можно назвать письма периода войны, адресованные И. Н. Берсеневу, С. Г. Бирману, И. Т. Большакову, Н. М. Горчакову, В. А. Дыховичному, А. И. Недогонову, В. П. Ставскому, Ю. А. Шапорину, И. Г. Эренбургу. Зато письма читателей, зрителей, в том числе связанные с разработкой Симоновым темы Великой Отечественной войны, поступили в ЦГАЛИ СССР в огромном объеме. Представляется целесообразным их разделение по следующим группам: письма периода Великой Отечественной войны, письма участников Отечественной войны последующих лет с откликами на произведения Симонова, письма читателей, зрителей. Для нашей темы основное значение имеют две первые группы.

Среди писем к Симонову 1941—1945 гг. преобладают отклики на его произведения военных лет, особенно на стихотворения «Жди меня», «Убей его», пьесу «Русские люди», повесть «Дни и ночи» и др. Эти

письма дают возможность понять причину огромного успеха этих вещей у современников, которые ощущали то, о чем писал поэт. Широко известно, что стихотворение «Жди меня» перепечатывалось, переписывалось и посылалось с фронта. Но оно породило и ответный поток писем и стихов — «Жду тебя», которые посылались на фронт близким, а некоторые и Симонову. Так, в одном из писем говорилось: «Ваше слово пробуждает в людях самое прекрасное чувство, и одним из доказательств этого служит посылаемое мной маленькое творение 26-летней женщины, матери, жены...

Жду тебя
Жду тебя, и ты придешь
Сквозь огонь и кровь.
Жду тебя, и ты придешь
В дом родимый вновь.
Жду, едва забрезжит свет,
Жду в тиши ночей,
Жду, когда полгода нет
От тебя вестей».

Оп. 1, ед. хр. 766,
л. 2, 2 об.

Любопытно, что в отличие от критики, полемизировавшей с автором, поставившим ожидание любимой выше ожидания материнского, корреспондентки Симонова этого вопроса специально не затрагивали. Однако в посылаемых стихах большей частью говорится, что ждет вся семья (см., например, оп. 1, ед. хр. 766, л. 7, 10). Так жизнь корректировала стихотворение поэта.

Хочется отметить в этих стихотворных посланиях и патриотическую ноту: встреча не должна состояться, пока не будет одержана победа над врагом; тема ожидания соединяется с призывом к уничтожению захватчиков (оп. 1, ед. хр. 766, л. 4, 4 об.). Чувство ожидания близкого человека не вытесняется даже ужасом жизни в немецкой оккупации, а после освобождения героиня возвращается в родной разрушенный город и, хотя писем нет, продолжает верить в возвращение любимого (Там же, л. 4, 4 об., 17, 38, 38 об.). Симонов в дневнике писал: «...через две недели... увидел, что стихотворение „Жди меня“ останется, а тогда, когда я его написал, я этого еще не понял. Первым его читателем был Кассиль, который сказал, что стихотворение в общем хорошее, хотя немного похоже на закливание» (оп. 1, ед. хр. 486, л. 192). И пожалуй, в эти годы гибели близких, расставаний и разлук оно действительно приобрело своего рода магический, охранительный смысл. Это подтверждается и многими письмами: «Просто хочется сказать, что Вы, совсем не зная меня, помогаете мне жить. Мне было очень, очень тяжело. Долго не было (и нет) от мужа писем. Уже начала терять надежду. И тогда — вдруг „Жди меня“. Оно попало мне на глаза как раз в годовщину нашей свадьбы. Мне показалось, что это Юрка написал мне эти строчки, потому что именно так сказал бы он мне, если б мог подать о себе весть... И хоть подходит уже второй год, как нет ни слова о нем и от него, я все жду и, главное, верю, что он придет» (оп. 1, ед. хр. 765, л. 15, 15 об.).

Есть небольшое число отзывов другого характера, но и они любопытны, так как говорят об армейской жизни, душевном настрое людей, в какой-то степени о быте. Так, один из офицеров посылает Симонову случайно попавшее к нему письмо со стихотворением «Она не будет ждать». Возмущенный корреспондент обратился к Симонову: «В своей жизни я никогда не писал стихов, но тут мысли мои вдруг вылились стихами. Я потел, но писал, ибо хотел и решил ответить за Вас...

Она будет ждать!
Знаю, она будет ждать,
Жены нам верны!
Ты ж не можешь понимать
Искренность любви...
Пошлые стишки твои

Пронизала ложь,
И внимать не будет им
Наша молодежь».

Оп. 1, ед. хр. 766,
л. 31, 31 об.

Стихотворение Симонова «Убей его», кроме ответных писем, также получило немало стихотворных откликов (оп. 1, ед. хр. 769, л. 8, 8 об.). Посылая Симонову стихотворение «Убью его», краснофлотцы клянутся: «Все, написанное в ответе, мы претворим в жизнь... мы добьем немца» (оп. 1, ед. хр. 769, л. 1).

Приведенный материал позволяет предполагать, что как архив Симонова, так и архивы других известных поэтов, находящиеся в ЦГАЛИ СССР, могут также служить источником изучения фольклора периода Великой Отечественной войны, фольклора, порожденного современной ему поэзией.

Патриотическим подъемом и чувством ненависти к врагу исполнены и отклики на пьесу «Русские люди». «Ваша пьеса воодушевляет нас на подвиги. Мы будем беспощадно уничтожать немецких стервятников», — пишут Симонову из одной зенитной части. Другой корреспондент, перечисляя сделанное героями пьесы, пишет: «Вечный покой тебе, дорогая Мария Николаевна! Хорошего чайку ты заварила врагам. Ты всей душой ненавидела порабощителей и погибла во славу Родины» (оп. 1, ед. хр. 768, л. 5, 13). Эти и другие письма являются непосредственным подтверждением слов А. М. Василевского в письме к Симонову от 29 ноября 1975 г.: «Наши Вооруженные Силы и я лично как солдат, испытавший на себе от первого до последнего дня всю тяжесть минувшей войны, разве можем забыть ту исключительную роль и то незаменимо высокое значение, которые имели на протяжении всей войны непрерывно выходящие из-под Вашего пера строки, всегда и немедленно зажигающие в сердцах всех воинов еще большую ненависть к врагу, вселяли в них необходимую изумительную отвагу, мужество и героизм на поле боя и укрепляли веру в победу советского народа над фашистским врагом?»⁴

Огромный фактический материал по Великой Отечественной войне содержится в письмах-откликах на роман «Товарищи по оружию», трилогию «Живые и мертвые», документальные фильмы «Шел солдат...» и «Солдатские мемуары». Поражает и тот огромный размах, с которым проводилась писателем эта работа. Только в последней партии материалов, переданной в ЦГАЛИ СССР Константином Михайловичем незадолго до его смерти, содержится около 11 тыс. писем, посвященных трилогии (в том числе письма читателей — участников событий), и его ответы на них. Большое количество уточнений, сообщений о дальнейших судьбах участников событий, их характеристики мы встречаем в письмах, связанных с документальными очерками Симонова и публикациями его дневников, печатавшихся частями под названиями «Самый длинный день» и «Сто суток войны».

Среди писем, поступивших от самого писателя в ЦГАЛИ СССР, находится и его переписка с родителями. В ней выделены письма военных лет, о которых Симонов позднее писал: «С благодарностью думаю о покойной матери и о покойном отце, сохранивших у себя мои письма того времени. Порой только эти письма и помогают мне сейчас разобраться, что и когда было»⁵.

В фонде Симонова много и других документов Великой Отечественной войны, отложившихся у него в те годы или собранных им после войны, а также присланных его корреспондентами. К сожалению, большая их часть находится в необработанном поступлении и может быть охарактеризована суммарно.

Это отдельные документы тех лет: копия письма на фронт, послужившего основой для создания стихотворения «Открытое письмо», запись рассказа неизвестного лица о пребывании в Мариупольском лагере военнопленных и побеге из него, об оккупации Ростова-на-Дону и Краснодара, листовка со стихотворением Симонова «Убей его», отпечатанная в партизанской типографии в Крыму.

⁴ В одном строю..., с. 7.

⁵ Симонов К. Собр. соч.: В 10-ти т. М., 1983, т. IX, с. 218.

В фонде имеются рукописи воспоминаний участников войны, посвященных защите Бреста, Ленинграда, Керчи, Одессы, Сталинграда, пребыванию в плену, партизанской войне в Белоруссии. В воспоминаниях приводится много живых подробностей, ценных сведений, называются имена участников, рассказывается о их самоотверженной борьбе. Так, в письме, предпосланном воспоминаниям одного из защитников Брестской крепости, говорится: «Силы были неравные, но мы бились не щадя себя, не боясь смерти, с надеждой, что наша армия отбросит врага. И вот с такой надеждой прошли все 23 дня трагической обороны крепости» (оп. 1, ед. хр. 977, л. 4). В воспоминаниях описаны действия пограничников, принявших на себя первый удар, когда немцы «начали форсировать Буг, чтобы внезапно ворваться в крепость. Пограничники стойко выдержали этот первый натиск. По моим соображениям, дрались очень жестоко: трупы были просто навалены, шел рукопашный бой, лежали в одной куче по 4—5 и больше человек, и зубами впившиеся, и проколотые штыками... Немцы послали на крепость и авиацию, стали летать их самолеты, сбрасывать бомбы. Мы видим, что они очень низко летают, похватали кто пулемет, кто винтовку, стали стрелять; помню, один „Юнкерс“ очень низко летел и наши подбили его» (оп. 1, ед. хр. 978, л. 7, 8).

В воспоминаниях рассказывается о подвиге полковника Матвеева, подбившего немецкий танк и загородившего тем самым вход в ворота крепости, о старшем лейтенанте Симоенко, который «был в городе на квартире, когда началась война, и не отступил, как другие, а решил пробраться в крепость и вывести солдат из крепости» (оп. 1, ед. хр. 978, л. 15), о безуспешных попытках осажденных сначала вырваться из крепости, об организации не только сопротивления, но и вылазок для уничтожения врага, о бомбежках, обстреле из огнеметов, когда люди сгорали заживо, о муках от жажды и голода, о положении женщин и детей, о последних днях крепости. «Когда они разрушили всю подковообразную крепость, оставаться там уже не было возможности. Тем наша оборона и кончилась. Человек 8—10 перешли в сторону 333-го полка, в один из казематов... Да, еще я пропустил, как мы приносили клятву. Собрались все. Писали на стенах разные слова: „Прощай, Родина!“, „Умрем, но не сдадимся“, „Из крепости живыми не уйдем“ и т. д. „Товарищи, отомстите за нас!“. Мы понимали, что погибает... Нас выволокли из дверей... В крепости еще раздавались выстрелы. Значит, кто-то из наших еще бился» (оп. 1, ед. хр. 978, л. 38—39).

Некоторые воспоминания написаны самостоятельно. Другие являются записью бесед, которые проводились Симоновым во время работы над трилогией «Живые и мертвые», в основном с участниками Сталинградской битвы Н. А. Ломакиным, К. С. Москаленко, Н. С. Никитченко и др. В них мы встречаемся с яркими боевыми эпизодами, с неожиданными деталями казалось бы известных событий: красочный рассказ разведчика-узбека, который в течение боев под Сталинградом сумел захватить и привести 23 «языка»; подробности сдачи в плен штаба Штеккера; о командире батальона Козубском, оставшемся в блиндаже на высоте, занятой немцами, и вызвавшем огонь на себя.

В некоторых случаях Симонов записывал весь боевой путь участника войны. Например, беседа с Е. Л. Минкиным, воевавшим под Сталинградом, на Яско-Кишиневском направлении, в Румынии, Австрии и Чехословакии. Интересны психологические наблюдения Минкина: «После возвращения из госпиталя на фронт кое-какие изменения были заметны... Мы наступали. А это очень важно было. И это победное настроение понемногу переросло, я бы сказал, даже в нахальство какое-то. Так, например, когда был момент и я оказался в безнадежном положении, я командовал немцам положить оружие, и они, очевидно, тоже чувствовали этот перелом и соответствующим образом принимали такие явления и подчинялись. Перелом в психике чувствовался. О себе могу сказать, что даже в период тяжелых боев в Сталинграде я не чувствовал подавленности, я не был травмирован периодом нашего отступления, так

как в Сталинград я приехал, когда уже намечался перелом в нашу пользу» (оп. 2, ед. хр. 135, л. 11—12).

Любопытен рассказ Минкина о происшествии во время доставки им пакета в соседнюю часть: «...за мной охотился самолет („Хейнкель“): он пикировал почти отвесно. Я бросил лошадь, привязал к какому-то пруту и упал ничком. Он начал меня лежачего обрабатывать: он бросал гранаты, но ни один осколок не задел [меня], он и пикировал, и из пулемета бил... А у него пулемет крупнокалиберный. В общем головы поднять я не мог. Только выйдет из пике, я подниму голову посмотреть, а он тут же опять. Так минут пятнадцать он летал надо мной. И что странно, не только меня даже не ранило, но лошадь осталась цела» (оп. 2, ед. хр. 135, л. 22). Или другой приведенный им случай: «Догнал я свою часть, и начались бои на Яско-Кишиневском направлении. Там нас без конца пытались спихнуть. Против нас там были немцы и дрались с яростью. Но мы держались. Именно тогда подняли (так в тексте.— Н. В.) старика Смишука за то, что он с перепугу подбил 6 танков. Он один остался в траншеях. Это был совершенно исключительный случай. Он один отбил атаку немецких танков» (оп. 2, ед. хр. 135, л. 22). В воспоминаниях много интересных фактов: о встрече с партизанами-французами и выводе их с территории Венгрии, еще занятой немцами, о «случайном», по словам рассказчика, захвате батареи шестиствольных минометов, об освобождении Вены, об окончании войны.

В фонде Симонова содержатся записи воспоминаний и бесед со многими известными военачальниками, в том числе Г. К. Жуковым, И. С. Исаковым, К. С. Москаленко, М. С. Шумиловым и др.

Есть группы документов, подобранные по отдельным темам. Так, большая подборка материалов посвящена защите Могилева. В нее вошли списки участников обороны города в июле 1941 г., как погибших, так и оставшихся в живых, их письма и материалы, ответные письма Симонова. Один из участников боев под Могилевом писал: «...рано или поздно о защитниках Могилева станет известно всем, как, например, о защитниках Брестской крепости... С 10 по 26 июля 1941 г. 172-й стрелковой дивизией был продемонстрирован беспримерный героизм целого соединения Красной Армии. Подобно 28 панфиловцам, 172 с[трелковая] д[ивизия], как один человек, встала стеной на Днепре. Встала раз и навсегда. Она сделала все максимально возможное, почти полностью погибла, но рубежей не оставила» (оп. 14, № 1, письмо А. Ф. Виттера).

И если сейчас защитникам Могилева воздано должное, то в этом значительная заслуга Симонова. Он писал, что только случай избавил его от участи тех, кто навсегда там остался, считал себя кровно с ними связанным и завещал развеять свой прах близ этих мест.

Огромный материал о выдающихся участниках Великой Отечественной войны был собран Симоновым для документальных фильмов «Шел солдат...» и «Солдатские мемуары». Исчерпывающая характеристика этого поразительного по своему составу комплекса документов содержится в предпосланном ему письме самого писателя от 12 марта 1979 г.: «Несколько пояснительных слов к прилагаемым материалам, которые я прошу включить в мой фонд в ЦГАЛИ».

С 1973 года и по настоящее время я занимаюсь различными работами, связанными с темой рядового советского солдата на Великой Отечественной войне.

За эти годы мною с моими товарищами по работе на Центральной студии документальных фильмов и на Центральном телевидении были сделаны и выпущены на экран:

1. Полнометражный документальный фильм „Шел солдат“, продемонстрированный и в кино и на телевидении.

2. Шесть телевизионных полнометражных фильмов под общим заголовком „Солдатские мемуары“ о пехотинцах, артиллеристах, танкистах, саперах, разведчиках, связистах.

3. Две больших телевизионных передачи „Солдатские мемуары —

письма“, в которых состоялся разговор с авторами многочисленных писем, присланных мне в связи с фильмами „Шел солдат“ и „Солдатские мемуары“. В связи с работой над фильмами я имел подробные беседы, записанные на диктофон, более чем с пятьюдесятью кавалерами трех орденов Славы... Я располагаю в результате полными стенограммами более чем ста тех или других бесед, а также подлинниками и копиями присланных мне в связи с фильмами писем... Сдать этот материал я бы хотел двумя эшелонами, назовем их А и Б. Эшелон А, который я прошу принять у меня сейчас, включает в себя:

1. Справку о работе над фильмами.
2. Тексты семи фильмов.
3. Письма участников и членов семей участников войны, присланные мне после просмотра фильмов (в том числе с моими ответами и без моих ответов) — 3014 писем в 26 папках» (сд. оп. 17, № 1).

В справке, приложенной к письму, рассказывалось, как проходила работа над фильмами. Через военкоматы проводилось выявление полных кавалеров ордена Славы, они поочередно приглашались на студию в Москву. Беседы с ними записывались на магнитофон, расшифровывались, и наиболее интересные моменты отбирались для съемки. В справке имеется список кавалеров трех орденов Славы, уроженцев почти всех наших союзных республик.

Отдельные сведения и уточнения тех или иных военных событий можно почерпнуть и в материалах обсуждений произведений Симонова, в которых принимали участие и наши крупнейшие полководцы. Так, по просмотру фильма «Если дорог тебе твой дом...» (первоначально он назывался «Разгром немцев под Москвой») имеются отзыв маршала А. И. Еременко и замечания маршалов Г. К. Жукова и К. К. Рокоссовского (оп. 3, ед. хр. 273).

После войны, работая над художественными и документальными произведениями, Симонов выявил и перекопировал большое количество документов из военных архивов. Среди них — списки командного состава, принявшего участие в сражении под Москвой, перечни дивизий Московского ополчения, справка о боевых действиях армий западных фронтов 1941 г., доклад о боевом пути 50-й армии за период 16 VIII. 1941 — 16 VIII. 1944 гг., описание боевых действий 129-й отдельной танковой дивизии с 5 VII по 10 VII. 1943 г. и многие другие. Не менее интересовала писателя и ставшая доступной немецкая документация. В его архиве есть копии документов, входящих в планы операций «Барбаросса» и «Тайфун», списки немецкого командования, статьи из немецкой прессы.

Несомненный интерес представляют фотографии Симонова как участника Великой Отечественной войны. За эти годы их насчитывается 35 индивидуальных, а также свыше 40 в группах с генералами, офицерами, солдатами и писателями на фронтах.

Таковы основные группы документов Великой Отечественной войны в фонде К. М. Симонова.

Следует отметить и ту колоссальную работу, которая проводилась самим писателем с полученными документами. На большую часть писем посылались ответы, причем в этих случаях перепечатывались и письма корреспондентов и обязательно оставлялись копии ответов. Полученные сведения от фронтовиков или их близких проверялись и перепроверялись по данным военных архивов, после чего в той или иной форме находили отражение в его творчестве.

Наглядным примером их использования в самом различном сочетании может служить дневник писателя «Разные дни войны» в его собрании сочинений (т. VIII, IX). В предисловии к дневнику Симонов отмечал, что это «...не мемуары профессионального военного и не труд историка, а именно дневник писателя, своими глазами видевшего какую-то частичку событий Великой Отечественной войны»⁶. Далее он писал, что в этой

⁶ Там же, т. VIII, с. 5.

книге читатель встретится со страницами военных записок, со страницами, взятыми из фронтовых блокнотов, из переписки военного и послевоенного времени, а также с воспоминаниями автора и его комментарием, насыщенным сведениями из отчетов, донесений, выписок из личных дел и других архивных материалов. Иногда цитируются в нем документы, пока не поступившие на государственное хранение: например, клинический посмертный диагноз писателя Е. П. Петрова (погибшего при аварии самолета), переданный Симонову врачом санчасти штаба Южного фронта.

Строгая документальность изложения соединена в дневнике с глубоко личным отношением к происходящему. «Я и сейчас, через много лет, — пишет Симонов, — не могу перечитывать страницы керченского дневника без боли и горечи»⁷.

Соединение прошлого и настоящего, авторский комментарий, обращенный как к событиям, так и к себе самому, стремление раскрыть судьбы людей, с которыми он встречался в те дни, правдивость и сдержанный лиризм делают эту книгу совершенно неповторимой. Будучи сначала очевидцем, а затем историком войны, Симонов считал ее правдивое отображение своим долгом «военного писателя». «...сколько еще надо написать и сделать для того, чтобы это время во всем своем трагизме и величии навсегда осталось в памяти потомков»⁸, — писал он маршалу Г. К. Жукову 30 ноября 1966 г.

В год 40-летия Победы в Великой Отечественной войне мы можем сказать, что вся творческая деятельность писателя служила этой высокой цели, а материалы его архива остаются ценнейшим источником для изучения истории Великой Отечественной войны.

⁷ Там же, т. IX, с. 81.

⁸ В одном строю..., с. 7.